

УДК 1 (091)

Либертарный социализм и критика исторического опыта СССР

С.И. Дудник, А.Б. Рукавишников

Философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра истории философии

Аннотация. В статье анализируются взгляды теоретиков либертарного социализма – Ж.П. Сартра, К. Кастириадиса и К. Лефора, их критическая оценка исторического опыта строительства социалистического общества в СССР. Сделан вывод об актуальности этой оценки для современной политической философии России.

Abstract. The views of such theoreticians of libertarian socialism as J.P. Sartr, C. Castoriadis and C. Lefort have been analyzed; their critical estimation of historical experience of the socialist society in the USSR has been given. This estimation has been proved to be relevant for modern political philosophy in Russia.

Ключевые слова: либертарный социализм, тоталитаризм, демократия, свобода
Key words: libertarian socialism, totalitarianism, democracy, liberty

1. Введение

Термин "либертарный социализм" нечасто употребляется в научной и публицистической литературе, и поэтому нам представляется необходимым сделать на этот счет некоторые разъяснения. В широком смысле под либертарианством принято понимать политическую философию, исходящую в своих умозаключениях из абсолютного запрета на применение силы по отношению к личности не только со стороны других индивидов, но и со стороны государства. Предполагается, что такой запрет должен быть не только нравственным, но и правовым, и, соответственно, его нарушение должно преследоваться. Частным случаем либертарианства можно считать доктрину *Laissez-faire*, учение о невмешательстве государства в экономику, или об ограничении такого вмешательства жесткими рамками и, как следствие, сведении его к минимуму.

Чаще всего политическую философию либертарианства относят к идейному арсеналу либерализма, противостоящего социализму, тем не менее следует заметить, что и вся история социалистической мысли пронизана острой полемикой двух направлений: авторитарного и либертарного. Следы такого противостояния можно обнаружить уже при создании I Интернационала, особенно в спорах К. Маркса и М. Бакунина. Либертарианские тенденции дают о себе знать и в последующей истории теории и практики марксизма: например, в отрицании идеи о необходимости партии профессиональных революционеров, или в критике представлений о социалистическом государстве как о пролетарском государстве, поскольку на самом деле бюрократическое перерождение привело к тому, что при "реальном социализме" трудящиеся эксплуатируются бюрократией и т.д. В западноевропейских странах идеи либертарного социализма нашли наиболее последовательное воплощение в левых движениях Франции, в разнообразных формах социально-политической деятельности гошистов, особенно в ориентирующейся на троцкизм группе "Социализм или варварство", а также в маоистской группе "Пролетарская левая", не говоря уже о различных радикальных организациях. Особое значение имеет тот факт, что к этим группам в разное время имели отношение Ж.П. Сартр, К. Кастириадис, К. Лефор – политические мыслители и идеологи, которых мы в данной статье будем рассматривать как наиболее типичных представителей либертарного социализма.

Возникновение этих групп относится к послевоенному времени, когда опыт социалистического строительства в СССР насчитывал уже не одно десятилетие. Поэтому критическая оценка этого опыта занимала в построениях теоретиков либертарного социализма одно из центральных мест. Исходным пунктом этой оценки служил разрыв с троцкизмом, который, как полагали, в частности, К. Кастириадис и К. Лефор, не способен объяснить ни природу СССР, ни природу коммунистических партий. Ведь коммунистические партии европейских стран, являвшиеся, по мнению троцкистов, реформистскими буржуазными партиями, на самом деле обнаружили в послевоенное время явное стремление захватить власть и установить режим советского типа, т.е. совершенно не склонялись к реформизму. Оценивая эти послевоенные реалии, Кастириадис приходит к выводу, что в СССР образовалось не "выродившееся

рабочее государство", как считал Троцкий, а "тотальный и тоталитарный бюрократический капитализм", при котором власть принадлежит новому господствующему классу – бюрократии.

2. Критика либертарианцами практики социализма в Советском Союзе

В 1949 г. в журнале "Социализм или варварство" была напечатана статья К. Касториадиса "Производственные отношения в России", нацеленная на анализ бюрократического капитализма (Castoriadis, 1949). Тот факт, что общественный строй СССР и его сторонники, и его противники называют социализмом, на самом деле служит для советской бюрократии оправданием ее господствующего положения, а для западной буржуазии одним из наиболее эффективных способов дискредитации социалистических идей. Касториадис детально разбирает тот аргумент, что, несмотря на порождающее неравенство распределение доходов в СССР, организация производства по своему характеру остается социалистической. Он утверждает, что организация производства и распределение взаимосвязаны, и что если характер распределения является буржуазным, то и организация производства не может быть социалистической. Из этого следовал и более общий вывод относительно природы советского государства. Л. Троцкий в своей знаменитой книге "Преданная революция" утверждал, что государственный строй СССР – это "выродившееся рабочее государство" с элементами социализма. Он указывал и на причины такого вырождения: "...если государство не отмирает, а становится все деспотичнее; если уполномоченные рабочего класса бюрократизируются, а бюрократия поднимается над обновленным обществом, то не по каким-либо второстепенным причинам, вроде психологических пережитков прошлого и пр., а в виду железной необходимости выделять и поддерживать привилегированное меньшинство, доколе нет возможности обеспечить подлинное равенство. Тенденции бюрократизма, душащие рабочее движение капиталистических стран, должны будут везде сказаться и после пролетарского переворота. Но совершенно очевидно, что чем беднее общество, вышедшее из революции, тем суровее и обнаженнее должен проявить себя этот "закон"; тем более грубые формы должен принять бюрократизм; тем большей опасностью он может стать для социалистического развития. Не только отмереть, но хотя бы освободиться от бюрократического паразита препятствуют советскому государству не бессильные сами по себе "остатки" господствовавших ранее классов, как гласит чисто полицейская доктрина Сталина, а неизмеримо более могущественные факторы, как материальная скудость, культурная отсталость и вытекающее отсюда господство "буржуазного права" в той области, которая непосредственнее и острее всего захватывает каждого человека: в области обеспечения личного существования" (Троцкий, 1991).

Вместе с тем, элементы социализма в концепции Л. Троцкого в конечном счете должны превалировать, и поэтому бюрократия советского типа обречена и лишена исторического будущего. Сталинизм как бюрократическое извращение пролетарского государства рассматривается им как временное явление, неустойчивое и неспособное, как следствие, преодолеть серьезный кризис. События второй мировой войны, победа над фашизмом продемонстрировали, что это не так. "Мы же думаем, что Троцкий ошибался, считая бюрократию неэффективной, поскольку он рассуждал об ее эффективности по отношению к достижению своей цели – коммунизма, а коммунизм не есть цель бюрократии. Это правда, что бюрократия стремится уничтожить возможность коммунистической революции, но правда и то, что бюрократия эффективна по отношению к своей цели – упрочению и расширению своей власти и своего режима" (Castoriadis, 1973). Особо острые дискуссии в группе "Социализм или варварство" вызывал тезис об эксплуатации рабочих в СССР. Если советская бюрократия должна рассматриваться как политический и экономический класс, то для достижения своих целей, для укрепления своего господствующего положения этот класс не может не прибегать к эксплуатации трудящихся. Вместе с тем, этот вывод, являющийся следствием общего теоретического представления о природе советского государства, не подтверждался многими очевидными фактами: общественный продукт не перераспределялся в СССР в пользу бюрократии, а рабочие в целом оказывали явную поддержку правящему классу. В конечном счете члены группы сошлись на мнении, что не обладают достаточным количеством фактических данных о положении рабочих в СССР, чтобы сделать окончательный вывод относительно их эксплуатации.

Активно полемизировавший с группой "Социализм или варварство" Ж.П. Сартр, защищавший от критики с ее стороны сталинизм и советское государство, радикально изменил свою позицию после событий 1968 г. в Чехословакии. По его мнению, именно в этот момент окончательно раскрылась буржуазная природа государственного режима СССР, его внутреннее родство с западноевропейскими буржуазными демократиями. "Несмотря на некоторые предосторожности... пять участников вторжения не очень старались замаскировать в высшей степени консервативный характер своей интервенции. Нашу западную буржуазию этим не проведешь: появление танков в Праге ее ободрило, почему бы не положить конец холодной войне и не заключить с СССР Священный Союз, который повсюду поддерживал бы

порядок" (Киссель, 1994). Сартр обращает также внимание на антигуманистическое отношение в СССР к человеку, где последний рассматривается не как цель, а как условие производства, причем далеко не самое важное.

Корни такого положения дел в СССР Сартр усматривает, помимо прочего, и в природе самого марксизма. Именно потому, что марксизм с самого начала заявляет о фундаментальном разрыве с созерцанием, о стремлении "не столько понять мир, сколько его изменить" на практике, в марксистской теории происходит роковой разрыв между теорией и практикой. Исторический выбор СССР в пользу "строительства социализма в одной стране" не мог не породить особой теоретической осторожности, страха перед возможными ошибками. Естественные для всякого государства требования безопасности обернулись в СССР требованиями единства правящей партии. Идеологи партии "опасались, что свободное становление истины, со всеми спорами и столкновениями, которыми оно чревато, нарушит требуемое борьбой единство; они оставили за собой право намечать общую линию и давать интерпретацию событиям. Кроме того, из боязни, что опыт может выставить вещи в новом свете, возбудить сомнение в их руководящих идеях и способствовать "ослаблению идеологической борьбы", они сделали доктрину недостижимой для опыта. Разобшение теории и практики превратило практику в беспринципный эмпиризм, а теорию – в застывшее чистое знание. С другой стороны, планирование, которое навязывалось бюрократией, не желавшей признавать свои ошибки, становилось насилием над действительностью, и поскольку будущее производство целой нации определялось в канцеляриях, часто за пределами ее территории, аналогом этого насилия был абсолютный идеализм: и людей, и вещи а priori подчиняли идеям; опыт, не оправдывавший ожиданий, мог быть только ошибочным" (Сартр, 2008). Возникает, согласно Сартру, "сталинизированный марксизм", где "рабочий – не реальное существо, изменяющееся вместе с миром, а некая платоническая идея" (Сартр, 2008). В сталинизированном марксизме, соединенном таким образом с платонизмом, историческое событие превращается в назидательный миф. Ярче всего, возможно, это превращение подтверждают показательные процессы над "врагами народа" в 1930-е гг. Признания подсудимых не раскрывают фактическую сторону якобы совершенных ими преступлений, но воспроизводят стереотипную мифологическую историю. Соответствие этой истории фактам, ее правдоподобие¹, противоречия и неточности в датах оставались незамеченными, т.к. истинной целью этой истории являлось разоблачение "истинной" сущности деятельности "врагов народа". Как того и требует религиозный провиденциализм, материальная сторона фактов уступала свое значение их символическому смыслу. Сталинизированный марксизм порождал удивительную историческую слепоту, вследствие которой сам человек, его индивидуальность попадала в разряд иррационального, не подлежащего объяснению и рассматривалась теоретиком как не имеющая особого значения случайность. Отсюда – обесценивание человеческой жизни и необходимость гуманизировать марксизм идеями экзистенциализма.

Постепенно в рамках либертарного социализма складывается представление о советском строе как о тоталитарном режиме. К. Лефор утверждает, что в лице СССР человечество столкнулось с расцветом деспотизма нового типа, сопоставимого с древними азиатскими деспотиями в той же мере, в какой современная демократия сопоставима с античной демократией. И вопрос о природе этой мутации, о причинах возникновения советского тоталитаризма может быть решен именно с позиций марксистской социальной теории, которая до настоящего момента от этой задачи уклонялась. До сих пор марксизм утверждал, "что основание концентрационной системы, истребление миллионов людей, уничтожение свободы собраний и выражения мнений, отмена всеобщего избирательного права или превращение его в фарс, который обеспечивает 99 % голосов списку единственной партии, ничего не говорят о природе советского общества" (Лефор, 2000). Поразительна не только явная несостоятельность такой позиции, но и тот факт, что крушение марксистской идеологии не освободило мышление, не открыло путь к проблемам реальной политической философии. Удивительно, что современный марксизм, по крайней мере, марксизм советского образца сосредоточивается не на самой политической реальности, а на задачах защиты "чистоты теории". Совершенно непостижимо, как можно одновременно утверждать, что тот социализм, который был построен в СССР, в Китае, в Камбодже, на Кубе и т.д., не является истинным социализмом, и в то же время считать абсолютно истинной ту версию марксизма, которая в этих и других странах нашла свое практическое воплощение. Современная марксистская мысль, как убежден К. Лефор, останавливается перед двумя непреодолимыми для нее препятствиями: перед обнаружением свободы в демократии и перед обнаружением рабства в тоталитаризме. Рабство тоталитаризма объявляется частично мнимым, преувеличенным недругами, частично оправданным

¹ В 1937-1939 гг. в СССР было осуждено и расстреляно такое количество агентов польской разведки, которое в десятки раз превосходило их реальное число, ставшее известным после публикации соответствующих документов.

чрезвычайными историческими обстоятельствами; свобода в демократии воспринимается как иллюзия, за которой якобы скрывается такое же тоталитарное рабство.

Это в полной мере соответствовало высказанному еще ранее утверждению Касториадиса, что в СССР существует не "выродившееся рабочее государство", как считал Троцкий, а "тотальный и тоталитарный бюрократический капитализм", строй, в котором вся полнота власти принадлежит новому господствующему классу в лице чиновничьей бюрократии. Современный тоталитаризм представляет собой политическое явление, в силу своей природы способное реализоваться на различной социальной и экономической основе. Для его формирования характерно возвышение одной партии, которая якобы имеет особую природу, в силу чего способна выражать интересы всего народа в целом. Такое представление о собственной исключительности дает этой партии ставить себя выше любых законов, уклоняться от любой формы контроля и подавлять любые формы оппозиции. "В этом плане осуществляется слияние между сферами власти, закона и знания. Знание конечных целей общества, норм, которые управляют социальной практикой, становится собственностью власти, между тем как последняя оказывается сама органом дискурса, который выражает реальность как таковую. Власть, воплощенная в группе, а на самом высоком уровне – в человеке, объединяется с равно воплощенным знанием, так что отныне никто не может ее сломить" (Лефор, 2000). Такая партия руководствуется в своей деятельности не теорией, а смутно улавливаемым "духом" движения, его "генеральной линией", что открывает дорогу безграничному произволу и позволяет власти игнорировать любой неудачный опыт. Гражданское общество фактически уничтожается, но не потому, что его политическая активность подавляется, а потому, что, наоборот, всякая деятельность, как личная, так и групповая, наделяется политическим смыслом и преследуется как оппозиционная. Тоталитаризм выражается в тотальном, всеобъемлющем распространении господствующей идеологии. В тоталитарном обществе все подчинено идее единства – единства партии, единства народа, единства мыслей. Вследствие этого культа единства отвергаются все признаки различия верований, мнений, нравов. Сравнение современного тоталитаризма с древними деспотическими режимами возможно, но существует одно принципиальное различие. Если в древних деспотиях власть принадлежала одному лицу, то теперь эта власть приобретает подчеркнуто анонимный характер и позиционирует себя как "власть народа", "власть партии" и т.д. Эта анонимность порождает массовую безответственность, стремление не связывать свои действия с негативным результатом; но в то же время осуществляется и строгий запрет приписывать себе в заслугу позитивный результат, т.к. он всегда достигается усилиями всего народа или всей партии, и если в тоталитарных режимах закономерно возникает фигура Вождя, то она имеет прежде всего символическое значение, т.к. олицетворяет собой все то же единство народа или партии.

Характерная черта тоталитаризма – сочетание органичности и искусственности. Общество изображается как единое целое, действующее так же слаженно, как действует организм. Ключевым понятием является солидарность, которая и отличает данное общество от всего внешнего мира. Но в то же время, эта солидарность постоянно, день ото дня, создается, целью жизни солидарного общества объявляется создание нового человека, в связи с чем совершенно особый аспект приобретает уже упоминавшееся нами понятие "врагов народа". Этот внутренний враг также производится искусственно, и его связь с внешним врагом, или факты, якобы свидетельствующие о попытках помешать слаженному функционированию социальной машины, имеют явно второстепенное значение.

Поскольку понятие тоталитаризма сформировано, закономерно встает вопрос о связи тоталитарного режима с демократией, о причинах, в силу которых внутри демократии рождается тоталитаризм. "Действительно, мы имеем достаточные основания утверждать, что эволюция демократических обществ сделала возможным появление новых систем господства – идет ли речь о фашизме, нацизме или социализме – черты которых были ранее немыслимы. Но нужно по крайней мере признать, что формирование этой системы включает разрушение демократии; оно не является заключением исторического движения, которое последняя открыла; оно перевертывает ее смысл" (Лефор, 2000). В этом отношении тенденция возрастающей силы бюрократического аппарата в демократических обществах мало что объясняет, т.к. в тоталитарных обществах бюрократия не имеет самостоятельной силы и полностью подчинена партийному аппарату. Не связан тоталитаризм и с имевшими в демократических обществах место тенденциями к государственному патернализму или провиденциализму, поскольку совершенно очевидно, что вопросы социального благополучия явно второстепенны для тоталитарных режимов. В целом предпринятый К. Лефором анализ мутации демократии в сторону тоталитаризма может показаться излишне оптимистичным и даже поверхностным. Причины возникновения тоталитаризма не имеют такого глубокого и такового рокового характера, как это представляется большинству исследователей. "Когда неуверенность индивидов увеличивается вследствие экономического кризиса или губительных последствий войны, когда конфликт между классами и группами обостряется и не находит более символического разрешения в политической сфере,

когда власть кажется реально ослабевшей и чем-то особым, стоящим на службе вульгарных честолюбивых интересов и appetitов, короче, проявляет себя находящейся в обществе, когда последнее оказывается как бы раздробленным, тогда развивается фантазм единого народа, поиск субстанциальной идентичности, спаянного с головой социального тела, воплощенной власти, государства, свободного от разделения" (Лефор, 2000).

3. Заключение

Таким образом, причина тоталитарной мутации демократического по своей сути социалистического общества лежит, скорее, в неготовности демократии ее предотвратить. В той или иной мере случайное совпадение этой неготовности с перечисленными выше обстоятельствами сравнительно легко предотвратить, и в этой связи политологический анализ формирования тоталитарных режимов XX столетия имеет прямое практическое значение, т.к. вооружает силы, стоящие на стороне разума и прогресса, знанием о природе этих режимов и предоставляет им возможность эффективно с ними бороться. Следует добавить, что аналогичный политологический анализ формирования сталинского тоталитаризма в России, связывающий его не с социально-экономическими, а с исключительно политическими причинами, был бы в настоящее время весьма актуален.

Литература

- Castoriadis C.** Sartre, le stalinisme et les ouvriers. Castoriadis C. L'expérience du mouvement ouvrier. T. 1, Paris, p. 220, 1973.
- Castoriadis C.** Les rapports de production en Russie. *Socialisme ou Barbarie*, № 2 mai, 1949.
- Киссель М.А.** Дороги свободы Ж.-П. Сартра. *Вопросы философии*, № 11, с. 175, 1994.
- Лефор К.** Политические очерки (XIX-XX века). М., *Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)*, с. 16, 20-21, 41, 29-30, 2000.
- Сартр Ж.П.** Проблема метода. Статьи. М., *Академический проект*, с. 26, 117, 2008.
- Троцкий Л.** Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? М., *НИИ культуры Министерства культуры РСФСР*, с. 85, 1991.